

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР**

**ОСНОВАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С СИСТЕМОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)**

О.Н. Прохорова, И.В. Чекулай

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный университет
Prokhorova@bsu.edu.ru

Оценка является составной частью повседневной жизни человека. Прежде чем предпринять какое-то действие, человек соображает с необходимостью его совершения, с необходимостью воспользоваться плодами этого действия, с возможными противопоказаниями к его совершению и т.п. Иными словами, всё, что попадает людям на ум, всё, что приходит в голову и фиксируется в сознании в том или ином виде, рассматривается с позиций необходимости, возможности или бесполезности использования этого явления в наших интересах, всё, на что мы обращаем внимание и фиксируем в языке в виде языковых парадигматических единиц с их возможными синтагматическими вариантами, проходит стадию критического осмысления факта действительности, сознания или речи.

В этой цепочке размышлений представляется интересным (несмотря на тавтологию) слово «интерес» как лингвосемиотическая кодировка феномена сознания, задающего изначальный стимул к совершению любого вида деятельности, в том числе и речетворческой в целом и создания фразеологических единиц языка в частности. Концепт «Интерес» лежит в основе осознания фактов действительности и их кодирования в виде единиц языка, получающих дальнейшее использование и развитие в непосредственном (живом, устном) и опосредованном (письменном, художественном, публицистическом и даже официально-деловом) речевом общении. В своё время Ж.Вандриес высказал гениальную, с нашей точки зрения, сенгенцию, дающую ключ ко многим явлениям языка и речи: «Говоря *Петр бьет Павла*, я как будто выражаю голько огношение между двумя лицами, соединенными отношением битья... Но на деле никогда подобная фраза не является только логическим выражением отношения; я всегда вношу в нее аффективные оттенки. Мне никогда не безразличен тот факт, что Петр бьет Павла; если бы этот факт был мне безразличен, я не говорил бы о нем во-все» (Вандриес Ж., 2001: 135-136).

Данное высказывание, как представляется, следует интерпретировать следующим образом. Все факты языка и речи, фиксируемые в виде единиц

и моделей, не просто имеют предметное беспристрастное содержание, но при этом должны быть осознаны говорящим с его *личных* позиций, находиться в сфере его интересов или каким-то образом затрагивать их; иными словами, говорящий должен достаточно близко воспринимать факт действительности, отражаемый в речи.

В этой связи возникает вполне закономерный вопрос: а при чём здесь фразеологическая система языка? Какое отношение имеет стройная, обширная и достаточно разнородная в семантическом отношении система однотипных единиц супraseгментного (переходного между лексическим и синтаксическим) уровня единиц языка и речи к личным впечатлениям и переживаниям одного, хотя и достаточно творческого, индивида, являющегося автором той или иной фразеологической единицы?

Ответ на эти вопросы следует начать с того, что во фразеологической единице сочетание слов по определённой структурной модели становится не в момент его первого произнесения, а пройдя проверку на стойкость в течение достаточно продолжительного периода пользования системой языка. Ключевыми факторами в этом случае становятся такие основные когнитивные процессы, как метафора и метонимия. Интерес человека, в образной форме подвергающего определённое явление окружающей действительности или своих личных ощущений (например, отражённых в форме фразеологической единицы русского языка *мурашки по коже*) ценностной и оценочной квалификации, проходит переосмысление через механизм сравнения, который поистине является основным механизмом познания мира. Автор фразеологической единицы уподобляет конкретную квалификативно маркированную ситуацию действительности другим типовым, но сходным в аксиологическом отношении, фактам действительности. В этом отражается метафоричность фразеологизмов. Метонимичность реализуется тогда, когда явление действительности одного категориального порядка с другими явлениями становится своего рода символом отражения этой однотипности. Таковы, в частности, фразеологизмы, отражающие реалии определённого социума, объединённого территориальными, административными, культурными и языковыми связями (например, *The Gilded Chamber* – Палата лордов в Соединённом Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, или *Семён Семёныч!* – высказывание, обращённое в русском языке к недотёпе, где в основу номинации положены имя и отчество известного персонажа кинокомедии), а также возникшие из общего источника интернациональные устойчивые словосочетания (например, *The brand/mark of Cain* (ср. рус. *Каинова печать*) по имени известного библейского персонажа).

В целом, как представляется, механизм создания фразеологической единицы можно отразить следующим образом. Автор будущего фразеологизма производит ментальную оценку факта действительности, сознания или речи, находит аналогию по сходству (метафорическая аналогия) или смежности (метонимическая аналогия) с другими явлениями того же порядка, облекает данные концепты в форму определённой структурно-

фразеологической модели и эксплицирует результаты данного синтеза фактов аксиологически ориентированного анализа действительности или сознания в виде речевого фразеологического варианта.

Несомненно, данные рассуждения пока что представляют гипотезу, нуждающуюся не только в доказательстве, но и в определённой структурной основе. На наш взгляд, такие основания задаются при функционально-деятельностном подходе к изучению ценности и оценки в языке (Чекулай И.В., 2006а; Чекулай И.В., 2006б). Его основными положениями являются следующие.

Во-первых, следует чётко размежёвывать ценность и оценку. Ценность внезнакова с позиций философской аксиологии. Ценность отличается от ценностного отношения, которое, в отличие от ценности, воплощённой как концепт в форме определённой значимой языковой единицы, содержит в себе потенциалы к получению определённого аксиологического знака (в терминах *положительной и отрицательной оценки*). Ценностное отношение отражается в форме лексических и фразеологических единиц, отражающих категориальные аксиологические связи различных вещей и явлений. Конкретный аксиологический знак отражённые в ценности и ценностном отношении концепты получают в процессе речемыслительной деятельности, на стадии подготовки речевого сообщения. Тем самым ценностное отношение переходит в оценочное. Оценка же, в отличие от оценочного отношения, существующего в виде парадигматической модели, представляет собой синтагматическую реализацию ценности, ценностного и оценочного отношений в виде единиц речи или невербальных форм выражения своего отношения (в виде мимики, жестов и т.п.).

То, что ценности внезнаковы в аксиологическом плане, чётко видно как раз на примере фразеологических единиц языка. В частности, являются очевидными противоположные оценочные интерпретации концепта «Word» даже применительно к однотипной ситуации, в частности W-635. *Hard words break no bones* (дословно *Слова кости не ломают*) и W-694. *Words cut/hurt more than swords* (*Слова ранят больше меча*) (БАРФС: 1073-1080). В русском языке концепт «Колосс» в фразеологически связанном значении может передавать как нечто прочное, устойчивое, значимое, величавое (в фразеологизме *(Как) Колосс Родосский*), так и его оценочный антипод в фразеологизме *Колосс на глиняных ногах* (Бирх А. К., 2005: 323-324).

Как нетрудно заметить, концепты, выражаемые лексическими вершинными компонентами, задают лишь предметный вектор сравнения или аналогии по смежности, а реальное значение фразеологизма создаётся лишь в синтагматике фразеологической единицы в целом. Но это единство не является конечной инстанцией однозначности фразеологической единицы, поскольку существует такое явление, как полисемия фразеологизмов, когда одно и то же устойчивое словосочетание может не только передавать различные оттенки близкого или тождественного смысла, но и совершенно противоположные, в том числе и в оценочном плане, значения.

В английском языке это явление наблюдается даже в парадигматике устойчивого словосочетания, например:

М-368. **take one's medicine** 1) примириться с неизбежным, стойко перенести что-то неприятное, $\approx$ проглотить пилюлю; ... 2) понести заслуженное наказание (БАРФС: 625).

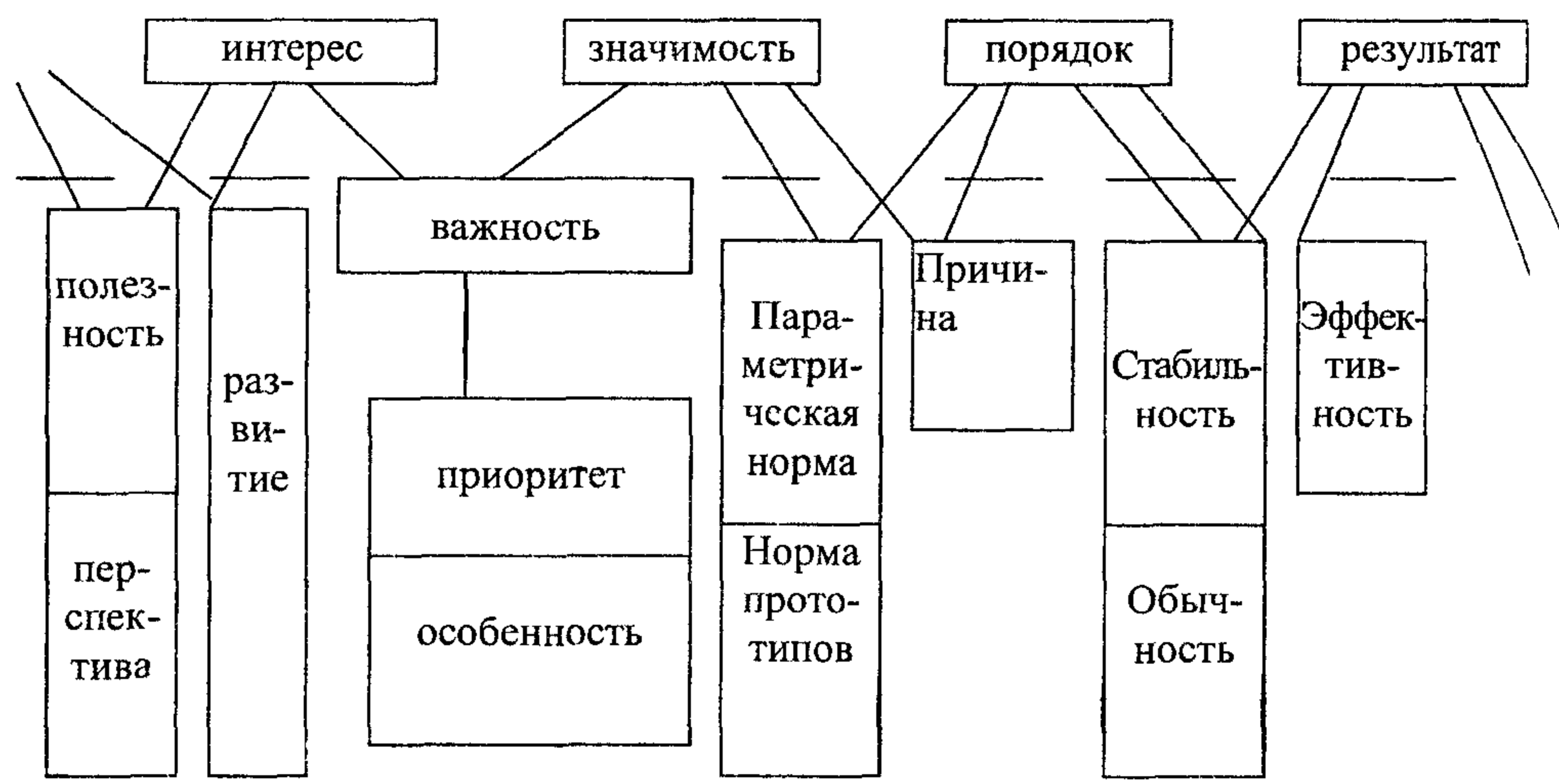
Поэтому можно с достаточной долей обоснованности утверждать, что конечное содержание фразеологизм приобретает лишь непосредственно в синтаксическом или даже дискурсивном контексте.

Во-вторых, теперь представляется необходимым возвратиться к концепту «Интерес», речь о котором шла в начале статьи. Интерес отражает не какую-либо предметную сущность, а является семантической абстракцией отношения между субъектом и объектом познания, тем самым представляя не ценность, а ценностное отношение. Действительно, интерес стоит над конкретным оценочным знаком. И в русском, и в английском языках лексемы *интерес/interest* в словарных толкованиях апеллируют, прежде всего, к положительно оцениваемым фактам. Но при этом с точки зрения обыденного мышления, с точки зрения «примитивной семантики» вещь, вызывающая наше недовольство, раздражение, гнев и иного рода фрустрационные эмоции, не может быть неинтересной для нас. Сами обстоятельства заставляют человека обращать на неё внимание, и с когнитивных позиций даже такое отрицательное явление можно назвать «интерес наоборот» (или в терминологии А.Г. Ковалёва «антиинтерес» (Ильин Е.П., 2001: 197).

В-третьих, интерес к какому-либо явлению сам по себе мало значим без его удовлетворения. Необходимо определённое категориальное развитие данного концепта ценностных отношений. Как представляется, для решения данной проблемы является достаточно приемлемым функционально-деятельностный подход к изучению выражения ценностного и оценочного значений в языке. Его сущность состоит в том, что любую ситуацию обыденной реальности следует рассматривать как деятельность, совершаемую либо с непосредственным активным участием в ней субъекта речевого действия, либо же его вовлечённость в ситуацию, не зависящую от его усилий. Интерес субъекта к данной деятельности в общем виде репрезентирует в ней совокупность мотивов, стимулов, целей, которые субъект видит как приемлемые или неприемлемые для него в данной ситуации. Для решения этих проблем ему необходимы определённые средства, имеющие для него ЗНАЧЕНИЕ, определённая последовательность (или ПОРЯДОК) действий, репрезентирующая алгоритм совершения деятельности, и, наконец, субъект заинтересован в конечном положительном РЕЗУЛЬТАТЕ выполнения данной деятельности. Таким образом, деятельность в объективной реальности представлена цепочкой «стимул — средства — алгоритм — завершение», и в этом плане данные языковые знаки представляют собой концепты общей ценности, а цепочка «интерес — значение — порядок — результат» отражает когнитивно-аксиологическое содержание ценностного отношения к данной конкретной или общей деятельности, а представленные лексемы репрезентируют базовые ценностные концепты

или концептосферы. С когнитивной точки зрения данные концептосферы носят категориально-аксиологический характер.

Несомненно, такая деятельностно-аксиологическая цепочка ещё не является конечной категориальной основой системы ценностных концептов. Каждая из основных стадий деятельности и, соответственно, базовые ценностные концепты (вне всякого сомнения) не являются чётко очерченными, в них имеются переходные и промежуточные концептосферы ценностных отношений, репрезентирующие вслед за базовыми концептами основные когнитивно-аксиологические категории, выражающиеся в языке, в первую очередь, лексическими единицами и, как можно утверждать теперь, фразеологическими единицами. В общем виде категориальную структуру ценностных отношений можно представить в следующей схеме:

Как представляется, данные категориально-ценностные концептосферы являются достаточно релевантной базой для классификации фразеологизмов на аксиологических основаниях. Они задают общее ценностное содержание таких единиц, а оценочный вектор они получают в ходе формирования и экспликации фразеологизма в составе синтаксической единицы или единиц более высокого уровня в иерархическом ряду языковых средств. Приведём некоторые примеры связи содержания фразеологических единиц с базовыми категориально-ценностными концептами.

Интерес: *англ.* Come into notice (общее ценностное содержание); a bright spark (+); a peeping Tom; to fall into oblivion (-); *рус.* Попасть в поле зрения (общее ценностное содержание); принять живое участие в ... (+); Любопытной Варваре (на базаре) нос оторвали (-).

Значимость: *англ.* New deal (общее ценностное содержание); to draw smb's fangs(+); nothing of the kind (-); *рус.* Работать как буйвол (общее ценностное содержание); Здоровье коровье (+);

Порядок: *англ.* Get a new angle on smth (общее ценностное содержание); in apple-pie order (+); a day after/before the fair (-); *рус.* По ранжи-

ру (общее ценностное содержание); В нужном русле(+); Разделяй и властвуй (-).

Результат: *англ.* There's an end of it; To make up one's mind (); A sure find|(+); A swan song (-); *рус.* Пожинать/пожать плоды (общее оценочное содержание); Попасть в яблочко (+); Оказаться у разбитого корыта (-).

В ряду переходных и промежуточных ценностных концептосфер с точки зрения фразеологической семантики особый интерес представляют промежуточные между базовыми сферами Значимости и Порядка концептосферы Нормы прототипов и Параметрических норм. Параметрическая норма реализует оценку количественного содержания некой объективной или субъективной данности (например, она реализуется в составе таких фразеологизмов русского языка, как *Оторваться на всю катушку*, *Пуститься во вся тяжкия*, *С гулькин нос*, *Ни копейки за душой*. Оценка в этом случае основана на метонимическом переосмыслении, и при этом часто важную роль играют такие тропы, как гипербола, мейозис и литота. Что же касается Нормы прототипов, то можно смело утверждать, что она лежит в основе большинства фразеологических единиц языка. Как известно, в когнитивистике под прототипом понимается наилучший или наиболее типичный представитель некоего класса однородных объектов. Уже по определению можно судить о том, что в основе прототипической семантики лежат аксиологические основания, о чём свидетельствует определение «наилучший». Это в целом метафорический перенос, где один из объектов сравнения выступает своего рода эталоном или идеалом для других объектов того же рода. Именно на норме прототипов основана такая типовая фразеологическая модель, как *As Adj. as a N* в английском языке или русская модель *Прил. как Сущ.*, например, *Упрямый как осёл*, *Быстрый как молния*, *Тупой как пробка*. Продуктивность этой модели в славянских языках была убедительно представлена в «Хорватско-славянском словаре сравнительных фразем», выполненном исследовательской группой Загребского университета под руководством проф. Ж.Финк (HSRPF, 2006).

Таким образом, представляется убедительной мысль о том, что основания семантической классификации фразеологических единиц языка следует искать в аксиологической структуре языкового менталитета. Очевидно, что такой подход не ограничивается отдельно взятыми языками, и поэтому представляется достаточно перспективным комплексное сравнительно-сопоставительное изучение этой проблемы на материале не только одной языковой группы или даже семьи, а на материале языков различных семей и различного грамматического строя.

Литература

Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь (БАРФС) / А.В. Кунин. 5-е изд., перераб. М.: Рус. яз., 2005. XVIII. 1210 [4] с.

Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих // СПбГУ. Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова / под ред. В.М. Мокиенко. М.: Астрель АСТ Люкс, 2005. 926 с.

Вандриес, Ж. Язык: лингвист. введ. в историю; пер. с фр. / Ж. Вандриес. 2-е изд., стер. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 408 с.

Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. СПб.: Питер, 2001. 752 с.

Чекулай, И. В. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке: моногр. / И. В. Чекулай. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006а. 236 с.

Чекулай, И. В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка: дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Чекулай. Белгород, 2006б. 473 с.

Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frasema (HSRPF) / Autorica rječnika Željka Fink Arsovski. Zagreb, 2006. 439 s.

Summary. The axiological foundations for the semantic classification of the set-expressions of a language are supposed to be seen in the functional-and-activity approach to the study of values and evaluation as semantic phenomena in a language. Its essence consists in the imperative character of viewing each everyday situation as a sort of activity represented by a conceptual chain "interest-meaning-order-result" that reflects the cognitive and axiological content of a value relation to a certain definite or general kind of activity, the represented lexical units representing the basic value concepts or conceptual spheres of such relations. From a cognitive point of view, the given conceptual spheres are of categorical and axiological character. Each of the basic stages of activity and the basic value concepts, respectively, are not clearly outlined, as they possess the transitional and borderline conceptual spheres of value relations. These categorical and value conceptual spheres are considered to be the valid enough ground for classifying set-expressions on the axiological basis.

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ВОЛЯ» В УКРАИНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

О. А. Яцкевич

Украина, г. Харьков, Харьковский национальный
педагогический университет
olgayatskevich@list.ru

Современная наука о языке уделяет большое внимание проблемам лингвокультурологии, в задачи которой входит изучение культурных концептов и составление концептуариев различных культур. Начало такого рода работ положено Ю. Степановым. Особую сложность представляет изучение абстрактных концептов. Их имена трудно поддаются дефинированию, не раскрываются полностью в словарных определениях, «текучи» и «калейдоскопичны» (А. Бабушкин, С. Воркачев), употребляются носителями языка скорее интуитивно (А. Вежбицкая, Т. Космеда, М. Косой, Л. Чернейко), то есть их инвариантное содержание «значительно меньше вариативной части, производной от опыта личности» (Чернейко Л. О., 1995: 74). Несмотря на это, абстрактные концепты имеют вещные параметры, в основе которых лежит метафорическое восприятие действительности и которые помогают смоделировать концепт как совокупность образов («гештальтов») (В. Успенский, С. Воркачев, Л. Чернейко).